

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Звание писателя я
всегда считал благо-
роднейшим, полезней-
шим званием.

ДОСТОЕВСКИЙ
и русское освободительное движение

Социальные проблемы, порожденные в русском обществе с 40-х до начала 80-х годов прошлого столетия отечественным освободительным движением, находились в центре дум и художественных решений Федора Михайловича Достоевского.

Всею силой своего гениального дарования он раскрыл антинародную сущность эксплуататорского общественного строя, при котором погибал «...самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего». В нищете, подневольном изнурительном труде, на каторге и в тюремных казематах, по мысли писателя, «...погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно!».

В неуываемых картинах и образах романов, в публицистических статьях,

письмах и заметках Достоевский неустанно осуждал капитализм во всех его проявлениях как в России, так и на Западе.

Из первого же путешествия за границу в 1862 году писатель-гуманист вынес безотрадное впечатление о капиталистической Европе, где встретился с теми же самыми чудовищными социальными контрастами, какие на каждом шагу видел в Петербурге.

В столичных городах Англии, Франции, Германии Достоевский видит массу «белых негров» и самодовольных, жирных буржуа. По этому поводу писатель с горькой иронией говорил: «...двое суток скакал... до Берлина и, приехав в него... вдруг с первого взгляда заметил, что Берлин до невероятности

похож на Петербург... Фу ты, бог мой, думал я про себя: стоило же себя двое суток в вагоне ломать, чтоб увидеть то же самое, от чего ускакал?».

Достоевский дал исторически верную характеристику призрачной буржуазной свободе в западных странах, коей так умилялись русские либералы типа тургеневского Сипягина из романа «Новь». В «Зимних заметках о летних впечатлениях» он писал: «Свобода. Какая свобода? — Одинаковая свобода всем делать все, что угодно в пределах закона. Когда можно делать все, что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все, что угодно, а тот, с которым делают все, что угодно».

Он гневно осудил бесчеловечную буржуазную мораль, ее циничную проповедь о том, что «наивысшая добродетель гражданская — деньги уметь зашибить», что «...возлюби прежде всех, одного себя, то и дела свои обделаешь как следует», что главная в жизни «идея нажиться... стать Ротшильдом» и т. п.

Достоевский был возмущен буржуазной действительностью. «Он не находит покоя, он чувствует ответственность, лежащую за этот ужас на нем, на каждом из нас,— писала Роза Люксембург.— Романы Достоевского представляют собою страшное обвинение в лицо буржуазному обществу: истинный убийца, губитель человеческих душ — это ты!».

В творчестве Достоевского неумолчно звучит мотив сострадания к униженным и оскорбленным людям, которым «уже некуда больше идти». Первый же роман «Бедные люди» был восторженно встречен передовой критикой и принес автору литературную известность. Достоевский после Пушкина и Гоголя подошел к «маленькому» человеку с новой, еще неизведанной стороны.

Для Н. В. Гоголя важно было показать печальное следствие социальной обездоленности

«маленького» человека. При этом персонаж повернут к читателю, так сказать, его внешней стороной и призван был будить к себе сострадание в людях.

Ф. М. Достоевский поставил иную цель — раскрыть, как этот герой сам осознает свое общественное положение, когда «бедный человек хуже ветоши и никакого, ни от кого уважения получить не может». Макар Девушкин, случайно увидев себя в зеркале, приходит, в отчаяние: «...так просто было отчего с ума сойти, от того, что я там увидел,— жалуется он,— чуть сам за себя от стыда не сгорел...— Да уж натурально робеешь, когда сквозь одежду голые локти светятся!... жить, Варенька, совестно!... хуже чем беспаспортному бродяге какому-нибудь».

Девушкин сострадателен к униженным, готов нести любые лишения, чтобы помочь беззащитной девушке. Ему свойственно также сознание своего превосходства перед злодеями и «пачкунами»: «...у меня кусок хлеба есть свой; правда, простой кусок, хлеба, подчас даже черствый, но есть, трудами добытый».

В его душе зреет чувство социального протеста: «Отчего это так все случается, что вот хороший-то человек в запустении находится?».

В. Г. Белинский был восхищен «глубоким пониманием и художественным, в полном смысле слова, воспроизведением трагической стороны жизни».

«Бедные люди» как гуманистическое произведение вполне отвечало эстетическим идеалам «натуральной школы».

В 1849 году на допросе по делу петрашевцев Достоевский в своих показаниях писал: «Без литературы не может существовать общество, а я видел, что она угасала...». Именно в целях активизации прогрессивных тенденций в литературе Достоевский читал на собрании у Петрашевского знаменитое, запрещенное царизмом в то время «Письмо Белинского к Гоголю», которое В. И. Ленин оценил, как «одно из лучших

произведений бесцензурной демократической печати в России, сохранивших, громадное живое значение и по сию пору».

Достоевский смело выполнял свой гражданский долг, за что царский военный суд, не замедлил подвергнуть его за распространение «преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского... смертной казни расстрелянием», замененной каторгой.

Следует заметить, что в романе «Бедные люди» определилась одна из важнейших особенностей художественного метода Достоевского — это одновременное звучание двух самостоятельных мотивов, противоположных по своей идейной направленности. Макар Деушкин, как мы видели, явно осуждает социальное и сословное неравенство, но тут же, как бы спохватившись, говорит: «Знаю, знаю, маточка, что нехорошо это думать, что это вольнодумство...». В другом письме он сообщает Вареньке, что просил бога простить ему все грехи «в это грустное время: ропот, либеральные мысли»...

Два непримиримых начала, только лишь наметившиеся в «Бедных людях», будут усиливаться в последующих произведениях, что обусловит их художественную структуру, группировку персонажей по принципу, контраста — это образы великих бунтарей и смиренных поклонников христианской жертвенности — Раскольников и Соня («Преступление и наказание»), Иван и Алеша («Братья Карамазовы») и др. В «Записках из мертвого дома» даже в собирательном образе народа ярко выделены две полярные черты характера — непокорность и смирение, например, в главе «Претензия» и др.

Эта особенность явилась одной из причин, породивших вокруг Достоевского ожесточенные споры, продолжающиеся более ста лет.

Разумеется, что буржуазные философы и литературоведы не жалели и не жалеют сил, чтобы всячески исказить подлинную сущность литературного наследия Достоевского, преуменьшить

его роль в пробуждении народного самосознания, выдвигая на первый план слабые стороны в мировоззрении писателя, в частности, обращение к религии, игнорируя при этом атеистические мотивы в его творчестве.

Т. Л. Мотылева в работе «Достоевский и мировая литература» отмечает у буржуазных исследователей две взаимно исключаящих тенденции — первая «представить Достоевского певцом жестокости, своеволия и греха», вторая — певцом «христианского смирения, кротости и благочестия». В то же время «замалчивается и затушевывается все то бунтарское, тревожное, мятежное, что заключается в творчестве Достоевского». Далее автор отмечает, что «в пестром потоке много неверных оценок, произвольных домыслов, подчас, прямой реакционной фальсификации».

Советское литературоведение много сделало для того, чтобы очистить облик великого писателя от ложных наслоений, помочь миллионам читателей отличить подлинного Достоевского от «достоевщины»; правда, до сих пор в нашем литературоведении нет еще единого мнения о мировоззрении и творчестве Достоевского. Поэтому важно выяснить, какое место занимал писатель в русском освободительном движении.

Революционные демократы высоко ценили деятельность Достоевского в период исторической революционной ситуации шестидесятых годов.

Н. Г. Чернышевский о романе «Униженные и оскорбленные» писал как о «самом важном по своему достоинству... романе». Н. А. Добролюбов считал Достоевского «одним из замечательнейших деятелей нашей литературы», основная особенность творчества которого — «это боль за человека».

«Записки из мертвого дома» прогрессивной критикой рассматривались как событие большого общественного и историко-литературного значения. Передовые люди

тогда восприняли это произведение как художественное выражение народного гнева против самодержавного произвола, крепостничества, надругательства над человеческим достоинством народа. А. И. Герцен по этому поводу писал: «Не следует забывать, кроме того, что эта эпоха (общественный подъем шестидесятых годов.— В. Т.) оставила нам одну страшную книгу, своего рода песнь, наводящую ужас, которая всегда будет красоваться над выходом из мрачного царствования Николая, как надпись Данте над входом в ад: — это — «Мертвый дом» Достоевского».

Достоевский первый реалистически изобразил царскую каторгу со всеми ее ужасами как живой образ всей сущности самодержавного строя и тем самым открыл путь А. П. Чехову к созданию не менее страшной книги «Остров Сахалин», к картинам тюрьмы и каторги Л. Толстого в романе «Воскресенье».

В. И. Ленин, по воспоминаниям В. Бонч-Бруевича, оценивал «Записки из мертвого дома» как «непревзойденное произведение русской и мировой художественной литературы, так замечательно отобразившее не только каторгу, но и «мертвый дом», в котором жил русский народ при царях из дома Романовых».

В период революционной ситуации 60-х годов Достоевский находился в близких личных контактах с революционными демократами, очень часто и успешно выступал со своими произведениями перед прогрессивной молодежью.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевский обратился к антикапиталистической теме, предвосхитив обличительные очерки Салтыкова-Щедрина («За рубежом», «Мелочи жизни», «Убежище Монрепо»), Глеба Успенского («Большая совесть», «Заграничный дневник провинциала») и многие другие произведения русской литературы этого цикла, вплоть до Горького и Маяковского.

Разумеется, Достоевский один из

наиболее сложных и противоречивых писателей русской и мировой литературы, и далеко не все в его творчестве могли принять деятели русского освободительного движения.

Осуждая бесчеловечность эксплуататорского общества в одной фаланге с революционными демократами, Достоевский в то же время обращается не к революционным методам борьбы с этим строем, а к религиозному смирению, «очистительному» страданию или ко «всеобщему духовному примирению, начало которому, по мнению писателя,— лежит в образовании».

Ю. Г. Кудрявцев высказал мысль, что противоречивость автора выражают Раскольников и Соня, Иван и Алеша Карамазовы, «потому, что автор, их породивший, не нашел одного правильного метода... Короче говоря, Достоевский — это не Иван Карамазов, Достоевский — это не Алеша Карамазов. Иван плюс Алеша — это и есть Достоевский».

Справедливость утверждений Ю. Кудрявцева подтверждается анализом размышлений писателя о религии. В одном случае он как будто убежден в необходимости для человека веры в бога: «Человек не рождается для счастья», а раз человек страдает, «стало быть, ему Христос нужен, а стало быть, будет Христос». В другом — он высказывает сомнение в существовании бога: «Я дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой доски». Вера у него сменялась сомнением, сомнение — жаждой веры. И так до конца жизни. А.В. Луначарский пронизательно заметил, что «никогда противоречия живших в Достоевском тенденций не были им примирены».

Бунт против бога Иван Карамазов доводит до логического конца. «Божескую высшую гармонию», которую человечество должно искупать страданиями, Иван называет ахинеей, и потому он решил возвратиться богу билет на вход в райскую гармонию «как можно скорее», так как «не стоит она слезинки

хотя бы одного только... замученного ребенка»...

Чем же обусловлены противоречия в мировоззрении писателя? Чтобы это понять, необходимо обратиться к методологии ленинских статей о Толстом. В. И. Ленин указывал, что устами Льва Толстого «говорит вся та многомиллионная масса русского народа, которая уже не шадит хозяев современной жизни, но которая еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца непримиримой борьбы с ними».

Достоевский, как мыслитель и художник, подобно Толстому, был выразителем чаяний и ожиданий угнетенных масс. Вся сила художественного дарования Достоевского была обусловлена стихийным протестом угнетенного и оскорбленного народа, в первую очередь городской части населения. Обращение Достоевского к религии, ко «всеобщему духовному примирению», неверие в революционные методы борьбы — следствие слабости классового сознания той же массы. В силу этих причин Достоевский был мучеником собственных противоречий. В нашей критике иногда говорят о крайней враждебности Достоевского к передовой части разночинской интеллигенции. В. Ермилов, например, считал, что даже Раскольников автор «Преступления и наказания» сближает с революционным «нигилистическим» лагерем: «Стремление представить отщепенца и преступника в виде представителя молодежи, русского студенчества, означало, конечно, клевету на молодежь».

На самом же деле, Раскольников представляет собой тип молодого человека, оказавшегося в плену бесчеловечной буржуазной морали, за что он поплатился тяжелой нравственной пыткой, почувствовав себя будто ножницами отрезанным от общества, даже от близких ему людей. Осуждая увлечение Раскольникова ложной теорией сверхчеловека, Достоевский показал

закономерность крушения «принципа» Раскольникова, что является убедительным доказательством несостоятельности утверждения буржуазных исследователей, будто Достоевский был духовным отцом Ницше и «ницшеанцев».

С конца шестидесятых до середины семидесятых годов Достоевский находился; под тяжелым впечатлением «нечаевщины», осужденной К. Марксом как «прекрасный образец казарменного коммунизма».

В романе «Бесы» писатель нарисовал гротескные портреты «нечаевцев». «Социалист» Петр Верховенский, излагая свои анархическую программу, в конечном, счете заявляет: «Я ведь мошенник, а не социалист». Но именно в этот период Достоевский в письмах резко выступает против Белинского, ошибочно считая его родоначальником «нечаевщины»; начинает полемику с Салтыковым-Щедриным.

В середине семидесятых годов Достоевский снова сближается с революционно-демократическим лагерем. В 1874-1875 годах в «Отечественных записках», самом прогрессивном журнале того времени, печатается роман «Подросток», что было воспринято современниками как большое событие в литературной жизни и общественной мысли эпохи.

Реакционная критика с раздражением отмечала, что Достоевский «вновь предался» «нигилистам» из «гнезда» Некрасова».

Роман «Подросток» был встречен реакционной критикой враждебно, как «плод больного воображения писателя, попавшего в компанию «Отечественных записок» во главе с Некрасовым и Салтыковым-Щедриным».

В романе «Подросток» Достоевского-объединяла с Некрасовым и Салтыковым-Щедриным страстная ненависть к вырождающемуся дворянству, а также непримиримость к растущей власти капитала.

Однако противоречия в мировоззрении помешали Достоевскому окончательно узнать «Когда же пресечется рознь и соберется ли человек вместе?». Исторически верный и точный ответ на этот вопрос, волновавший писателя и его современников человечество нашло в великом учении марксизма-ленинизма.

Для нас неприемлемы религиозные искания Достоевского, но беспощадное осуждение эксплуататорского мира, глубокая вера писателя в великое будущее русского народа справедливо оценивается всеми прогрессивными людьми, как подвиг в истории русского освободительного движения. Реализм Достоевского, многие его художественные образы дороги нам как «старое, но грозное оружие» (Маяковский) и в современной борьбе против реакционных сил.

В. М. ТАМАХИН,

кандидат филологических наук.